

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

1989 • № 3

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ 1790-х ГОДОВ

(В. В. КАПНИСТ И ЕГО БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ)

На протяжении последнего десятилетия XVIII века и первой половины XIX события Великой французской буржуазной революции были в центре внимания русского общества, оставались объектом раздумий и непрекращавшихся споров. Какова бы ни была их последующая оценка и сколь ни важна она для истории общественного движения в России, не меньший научный интерес представляет изучение реакции современников, с напряженным вниманием ждавших известий из Парижа. Нельзя также игнорировать значение французской революции как своеобразного индикатора отношения в России к принципу революционного преобразования общества.

Как известно, сочувственный интерес к происходящему во Франции был присущ определенной части образованных русских до тех пор, пока революция не переросла конституционную фазу своего развития.¹ События 1792—1794 годов (свержение монархии, массовый террор против аристократии, казнь Людовика XVI, якобинская диктатура и т. д.) привели подавляющее число русских дворян и разночинцев независимо от прежних симпатий в лагерь врагов революции, что, однако, не предотвратило ужесточения цензурного режима и преследований выдающихся представителей русской культуры по политическим мотивам. Как явствует из письма Е. Р. Дашковой к ее брату А. Р. Воронцову, написанного под свежим впечатлением от разговора с Екатериной II в ноябре 1793 года, императрица была убеждена в существовании в России тайной антимонархической организации, ей представлялись взаимосвязанными издание «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, публикация «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжина и действия московских масонов.²

Вопрос об обоснованности опасений Екатерины II вряд ли можно считать окончательно решенным — для его рассмотрения необходимо тщательное обследование архивов, привлечение новых материалов. Однако уже сейчас очевидна шаткость гипотез, включающих Ф. В. Каржавина и В. В. Капниста в число членов революционной организации, якобы продолжавшей в Петербурге в 1790-е годы дело А. Н. Радищева. Поэтому нельзя не присоединиться к мнению исследователей истории общественной мысли и литературы XVIII столетия, неоднократно выступавших с критикой произвольных построений В. И. Рабиновича, — это прежде всего А. И. Старцев, Н. Н. Болховитинов, А. Х. Горфункель, С. Р. Долгова, И. М. Полонская, Ю. Я. Герчук, А. Н. Николюкин,

¹ Кучеров А. Я. Французская революция и русская литература XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1. С. 291—307; Макашин С. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII—XIX вв. // Лит. наследство. 1937. Т. 29—30. С. XXII—XXIII; Штранге М. М. 1) Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 годов // Из истории социально-политических идей: К 75-летию академика В. П. Волгина. М., 1955. С. 340—352; 2) Русское общество и Великая французская буржуазная революция 1789—1794 гг. М., 1956. С. 47—150; Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М., 1976. С. 84—96.

² Достопамятный разговор Екатерины II с княгиней Е. Р. Дашковой // Русский архив. 1884. № 2. С. 271.

С. С. Бычков и др.³ Однако их предостережения оказались тщетными — в 1986 году появилась книга В. И. Рабиновича «Вслед Радищеву... Ф. В. Каржавин и его окружение», выпущенная московским издательством «Мысль». Как уже отмечалось рецензентами, в этом сочинении «домыслы соседствуют с прямой фальсификацией».⁴ Действительно, В. И. Рабинович вопреки очевидным фактам продолжает утверждать, что под «искренним другом» А. Н. Радищев имел в виду Ф. В. Каржавина, а также что в Петербурге существовала революционная организация, в которую входили А. Н. Радищев, Ф. В. Каржавин, В. И. Баженов, И. К. Шнор, В. В. Капнист, И. Х. Набгольц, братья А. и Е. Разноговские; поддержанию конспиративных контактов содействовал и Н. А. Львов.⁵ На протяжении всей книги подчеркивается восторженное отношение Ф. В. Каржавина к событиям Великой французской революции,⁶ которое якобы разделяли его единомышленники, в том числе и В. В. Капнист, передавший идеи своего руководителя декабристам.⁷

Вряд ли стоит подробнее останавливаться на книге В. И. Рабиновича, тем более что участники ее обсуждения единодушны.⁸ Значительно больший интерес представляет включение В. И. Рабиновичем в число радищевцев, восторженно принявших французскую революцию, автора «Ябеды», ибо оно имеет свою традицию. Эти имена были впервые сближены Д. С. Бабкиным в статьях «А. Н. Радищев в оценке В. В. Капниста»⁹ и «В. В. Капнист и А. Н. Радищев»,¹⁰ которые предшествовали появлению академического собрания сочинений В. В. Капниста в двух томах; во вступительной статье к нему Д. С. Бабкиным также затрагивается этот важный вопрос.

Одним из основных аргументов исследователя, писавшего об идейной близости двух выдающихся литераторов XVIII столетия и их личном знакомстве, было упоминание А. Н. Радищева в «Письме втором к С. С. Уварову» В. В. Капниста, опубликованном впервые в 1960 году.¹¹ Однако, как показывает сравнение, о цитации «Путешествия из Петербурга в Москву» говорить не приходится — В. В. Капнист ссылается в этой статье на отрывки из запретной книги, приведенные его оппонентом С. С. Уваровым в «Ответе В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре»,¹² где отстаивалась возможность этого размера в русской поэзии со ссылкой на авторитет «господина Р.» (т. е. А. Н. Радищева). Поэтому трудно согласиться со следующим утверждением Д. С. Бабкина: «В годы александровской реакции, когда никто из критиков не решался высказать открыто свою солидарность с автором „Путешествия из Петербурга в Москву“, Капнист дал высокую, принципиальную оценку его творчеству».¹³

Обращение к тексту «Письма второго» показывает, что отстаивая свою точку зрения на необходимость перевода древней эпической поэзии русскими былинными размерами, В. В. Капнист противопоставлял ее взглядам и А. Н. Радищева, и С. С. Уварова:

³ Старцев А. И. Был ли Каржавин другом Радищева? // Вопросы литературы. 1971. № 4. С. 168—173; Герчук Ю. Я. Этнографические наблюдения русского путешественника Ф. В. Каржавина (конец XVIII в.) // Советская этнография. 1972. № 1. С. 143—154; Полонская И. М. Издательская деятельность Ф. В. Каржавина // Проблема рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 160—184; Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984; Николокин А. Н. К истории понятия «романтический» // Русская литература. 1984. № 4. С. 115—117 и т. д.

⁴ Вопросы истории. 1987. № 12. С. 166.

⁵ Рабинович В. И. Вслед Радищеву... Ф. В. Каржавин и его окружение. М., 1986. С. 179—180.

⁶ Там же. С. 40—41, 45, 62, 140 и др.

⁷ Там же. С. 51—52, 172—174, 183—186, 192—194.

⁸ Вопросы истории. 1987. № 12. С. 162—168.

⁹ Бабкин Д. А. Н. Радищев в оценке В. В. Капниста // Русская литература. 1958. № 1. С. 231—233.

¹⁰ Бабкин Д. С. В. В. Капнист и А. Н. Радищев // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 269—288.

¹¹ Капнист В. В. Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 196—224. Далее ссылки на этот том даются в тексте.

¹² Чтение в Беседе любителей русского слова. Чтение 17. СПб., 1815. С. 58—61.

¹³ XVIII век. Сб. 4. С. 270.

«Прошу покорно позволить мне, примерно, как вы избрали секундантом вашим почтенного г-на Р<адищева>, призвать в помощь мою любезного пита и друга моего Николая Александровича Львова, познакомившего меня первоначально с размером русских стихов» (С. 219).

Слова В. В. Капниста об А. Н. Радищеве «встреча со старым знакомцем всегда мне приятна» свидетельствуют скорее о давнишнем знании творчества писателя, чем о личном знакомстве и дружбе. Гипотеза Д. С. Бабкина о встречах двух выдающихся деятелей русской культуры XVIII века базируется на утверждении о дружбе между В. В. Капнистом и А. Р. Воронцовым (1741—1805), видным государственным деятелем, начальником по службе и покровителем А. Н. Радищева. В качестве доказательства исследователем приводится письмо В. В. Капниста к жене от 11 февраля 1788 года, где он сообщает, что остановился в Москве в доме графа Воронцова. Однако здесь речь несомненно идет не об Александре Романовиче, служившем в Петербурге, а о его двоюродном брате Артемии Ивановиче Воронцове, проживавшем в Москве. Сохранились также письма А. И. Воронцова (отметим, кстати, что в 1799 году он стал восприемником А. С. Пушкина) к В. В. Капнисту,¹⁴ позволяющие утверждать, что его знакомство с членами львовско-державинского кружка было более тесным, чем считалось ранее. Поэтому отнюдь не случаен факт постройки А. И. Воронцовым в 1790-х годах дома в усадьбе Вороново по проекту Н. А. Львова.¹⁵

К сожалению, до настоящего времени при анализе политических воззрений В. В. Капниста не было обращено должного внимания на его письма к жене 1770—1790-х годов, дающие ответ на ряд важнейших вопросов — об отношении поэта к европейским происшествиям, о круге его близких друзей и т. д. В эти десятилетия В. В. Капнист довольно часто наезжал в Петербург — он находился в столице в апреле 1785, феврале—июне 1788, марте 1789, марте—августе 1790, декабре 1792—ноябре 1793, декабре 1795—феврале 1796, июле 1796—феврале 1797 года, а также неоднократно приезжал сюда в последующие годы. Благодаря ведомостям обер-полицмейстера Н. И. Рылеева можно датировать с точностью до дня пребывание В. В. Капниста, останавливавшегося у своего тестя А. А. Дьякова, в Петербурге в 1790 году — он находился в столице с 11 марта до 20 августа.¹⁶ Большая часть времени в эти приезды уходила на хлопоты, вызванные многолетней тяжбой с помещицей Ф. Т. Тарновской. Как явствует из писем, частым гостем бывал поэт в домах своих родственников — Львовых, Стейнбоков, Державиных, Бакуниных, Полторацких, Дьяковых, Олениных. Однако никаких оснований для заключений о близости к А. Н. Радищеву и Ф. В. Каржавину в письмах автора «Ябеды» (весьма подробных и отнюдь не конспиративных по своему характеру) не содержит. Пожалуй, в связи с гипотезами В. И. Рабиновича определенный интерес представляет следующий отрывок из письма Г. А. Дьякова к В. В. Капнисту от 13 мая 1794 года, иллюстрирующий взаимоотношения поэта с И. К. Шнором: «Федор <Петрович Львов> остался для отпечатания твоей комедии с Шнором, который весьма карачится. Не знаю, как он кончит, потому что разрешение твое о виньетах получил я только при отъезде своем. Комедию никак высвободить Гаврила Романович <Державин> не мог, а мне и поговота. . . Теперь же в Польше началась комедь, так о нашей не хотят и слышать».¹⁷ Как мы видим, никакого содействия со стороны издателя «Путешествия из Петербурга в Москву» В. В. Капнист и его друзья не встретили. Другие документы лишь подтверждают мнение о том, что при публикации «Ябеды» поэт не преследовал далеко идущие цели политического характера. В связи с этим нельзя игнорировать и определенный перелом в мировоззрении поэта в конце 1780-х годов; тяжело переживая

¹⁴ ЦНБ УССР. Шифры: III. 23598—23599, 23806—23811.

¹⁵ Будылина М. В., Брайцова О. И., Харламова А. М. Архитектор Н. А. Львов. М., 1961. С. 101—102.

¹⁶ ЦГАДА. Ф. 16. Д. 534. Ч. 1 (2). Л. 67, 140.

¹⁷ ЦНБ УССР. Шифр: III. 23624. Л. 1.

смерть малолетнего сына, В. В. Капнист раскаивался в атеистическом вольнодумстве своей молодости (С. 345—346).

Основная тема писем В. В. Капниста конца 1780-х—1790-х годов к жене и брату — семейные и хозяйственные происшествия, известия о ходе тяжбы. Иногда в них вкраплены сообщения политического характера — в 1789—1791 годах в центре внимания поэта были события, предшествовавшие заключению Ясского мира 9 января 1792 года (смерть Г. А. Потемкина, выезд А. А. Безбородко в Яссы и т. д.). Отсутствие в письмах этого времени упоминаний о парижских происшествиях, скорее всего, объясняется как недостаточной информированностью поэта, так и отсутствием у него (как и у многих его современников, например у Н. М. Карамзина¹⁸) окончательной точки зрения на французские события. Возможно, В. В. Капнист сочувствовал некоторым конституционным начинаниям, косвенным доказательством чего служит отсутствие резких антиреволюционных выпадов в письмах 1789—1791 годов.

После выхода России из русско-турецкой войны французская революция, по-видимому, главная тема разговоров в русской столице. После свержения монархии 10 августа 1792 года многим становится ясна неизбежность столкновения европейских держав и новообразовавшейся республики. Отсутствие достоверной информации порождало самые разнообразные слухи; один из них, так и не подтвердившийся, отразился в письме В. В. Капниста жене от 10 января 1793 года: «Нового у нас, что французы, сделав совет на флоте, объявили нам войну и, говорят, заготовили много монгольферовых шаров, чтоб на оных к нам лететь, да беда, что не выдумали еще верного па оные руля» (С. 363).

Событием же; потрясшим В. В. Капниста и определившим его антиреволюционные настроения, стало сообщение о казни Людовика XVI, о котором он писал жене 1 февраля 1793 года: «Душенька, милая Сашенька, друг мой! Сегодня я не в состоянии тебе о себе ничего писать: проклятые французы с их кровавыми явлениями разбили все мои мысли. Другую ночь уже не сплю: все несчастный король мне мечтается. Он убит на эшафоте. В воскресенье ввечеру о сем пришло достоверное известие от нашего посланника Симолина. Сие несчастье совершилось 18 числа. Когда еще накануне решение национального Конвента о смерти его объявлено, то он, сказав, что готов, просил 3 суток отсрочки для приуготовления себя, также чтоб жену его и детей выслали за границу и дали бы ему духовника. Сие последнее только ему позволено. Когда на завтешний день вывели его на эшафот, окруженный воинством, то он, помолвившись, хотел было проститься с народом, но по сигналу звук барабанный заглушил голос его. Ни единая душа не подвинулась к защите его ни голосом, ни рукою, и несчастному отсечена голова; палач, омоча белый платок в крови его, бросил оный народу, и весь народ бросился к эшафоту для того, чтобы омочить платок в кровь сию. Голову на копье носили по всему городу, а тело погребли. Весь народ пьян буйством. Королеве никакого избавления нет; и она весьма счастлива будет, если ей только голову отсекут; опасаются жесточайшего мучения. Дети тоже погублены будут. Вот картина, которая потрясла все души здесь» (С. 364—365). Вряд ли, прочитав это письмо, можно усомниться в том, на чьей стороне было сочувствие В. В. Капниста; известия, полученные им, видимо, от лиц, приближенных к императрице («Санкт-Петербургские ведомости» лишь 4 февраля 1793 года сообщили о казни Людовика XVI и об объявлении при русском дворе 6-недельного траура),¹⁹ изложены поэтом кратко и точно, с выразительностью, которой мог быть позавидовать очевидец. С этого момента симпатии поэта определены — он сочувствует измене генерала Ш. Ф. Дюмюрье, предавшего в марте 1793 года революцию и повернувшего войска на Париж (С. 372—373), и другим аналогичным происшествиям.

¹⁸ Бершгейн Е. В. О политических настроениях Карамзина в 1793 году // Русская литература. 1988. № 1. С. 172—174.

¹⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1793. 4 февр. № 10. С. 193.

Общий обзор переписки позволяет утверждать, что автор «Ябеды», не имея доступа к дипломатическим сообщениям, не мог получить адекватное представление о борьбе различных партий в Париже, поэтому развитие революционных событий казалось ему сумятицей и хаосом. Это мнение, по-видимому, разделялось большинством петербургского образованного общества и было, как представляется, естественным следствием той весьма ограниченной и искаженной информации, которая поступала в северную столицу. Как убедительно продемонстрировал А. Г. Брикнер, тенденциозность, изначально присущая столичной прессе в сообщениях о ходе французской революции, стала особенно явной с сентября 1792 года.²⁰ Другие периодические издания, сначала обходившие молчанием парижские события, затем стали высказываться на данную тему резко антиреволюционно, но не касаясь подробностей, не давая читателю полной информации.²¹

С 1793 года Екатерина II стала уделять все большее внимание европейским событиям, что замедляло решение внутрисударственных дел, в частности тормозило окончание тяжбы В. В. Капниста с Ф. Т. Тарновской. «Нынче утром,— писал поэт жене 15 апреля 1793 года,— слава богу, граф д'Артуа отбыл в Англию; из Ревеля он поедет морем. Теперь у государыни будет более досуга, чтоб прислушаться к нам, беднягам» (С. 372). Увидев, что это не ускоряет течения дел, В. В. Капнист решает написать оду на обручение любимого внука Екатерины II Александра Павловича, которую Г. Р. Державин поднес 10 мая 1793 года императрице. В письме к жене В. В. Капнист признается, что если бы это помогло ему вырваться из Петербурга, он сочинил бы «в 24 часа дюжину» од (С. 377).

О событиях во Франции 1793—1794 годов (изгнание жирондистов, процесс над ними, их казнь, якобинская диктатура, конфискации, освобождение Тулона, поражение австрийцев, казнь эбертистов и дантонистов и т. д.) В. В. Капнист ничего не сообщает жене, однако его симпатии не изменились. Вот как он описывает успехи республики в письме от 23 октября 1794 года: «Что до вестей из Европы, они неутешительны. Чертовы французы взяли Бреду, Трир, Слас и добились ужасающих успехов в Испании» (С. 402). То же можно сказать и о высказываниях на политические темы в других письмах 1794—1796 годов (С. 410, 425, 431 и др.), и о характерных умолчаниях о победах французского оружия.

Как мы видим, документы, позволяющие наиболее полно представить круг интересов и занятий В. В. Капниста, не дают никаких оснований для утверждений о причастности поэта к тайной антиправительственной организации и симпатиях к французской революции. Столь же умеренны были воззрения ближайших друзей автора «Ябеды». Пожалуй, весьма консервативной была лишь позиция Г. Р. Державина, его отрицательное отношение к событиям во Франции общеизвестно — оно нашло отражение и в его стихах, и в «Записках», и в письмах. В своих воспоминаниях, говоря о начале 1800-х годов, поэт, впрочем безосновательно, считал, что «все окружающие государя набиты конституционным французским и польским духом».²²

Н. А. Львов, родственник и ближайший друг Державина и Капниста, благодаря своим дарованиям очень рано стал известен Екатерине II — по ее распоряжению ему было поручено проектирование Невских ворот Петропавловской крепости (1780), собора св. Иосифа в Могилеве (1780), петербургского почтамта (1782) и других сооружений. 8 декабря 1786 года был дан указ о печатании на иждивении Кабинета чертежей и переводов коллежского советника Н. А. Львова.²³ Многие из них подносились

²⁰ Брикнер А. С.-Петербургские ведомости во время французской революции // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 1. С. 71—87, 158—173.

²¹ Каганова А. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и современная ей русская пресса // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 87—94.

²² Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1869. Т. 5. С. 782.

²³ См. об этом в докладной записке Н. А. Львова от 12 октября 1797 года; ее копии сохранились в ЦГИА (Ф. 37. Оп. 11. Д. 114. Л. 1) и АВПр (Ф. 2. Оп. 2/6. Ед. хр. 4463. Л. 1).

Екатерине II — в частности В. В. Капнист зафиксировал, что ею была одобрена отпечатанная в 1793 году «Песнь Гаральда Храброго» (С. 210). Путешествие Екатерины II на юг в 1787 году, в котором принимал участие и Н. А. Львов, побудило его написать комическую оперу «Ямщики на подставе» (премьера состоялась 8 ноября 1787 года). В ней отразились размышления Н. А. Львова о будущем его страны, оптимальным путем развития которой ему представлялось соединение свободного течения народной жизни и просвещенной государственной власти.

Нет также никаких оснований для заключений о том, что кто-либо еще из близких знакомых В. В. Капниста (П. Л. Вельяминов, Ф. П. Львов, Г. А. и Н. А. Дьяковы, Д. М. Полторацкий, А. М. Бакунин, А. Н. Оленин, И. М. Муравьев и др.) сочувствовал французской революции. Из вышеперечисленных лиц особый интерес представляет фигура А. М. Бакунина (1768—1854), поэта-сентименталиста, отца известного анархиста-революционера. С 1781 года он служил в Турине при русском посольстве, а в 1789 году находился в Париже. В Петербург А. М. Бакунин возвратился 12 марта 1790 года, как это зафиксировано в ведомостях обер-полицмейстера Н. И. Рылеева.²⁴ Учитывая творческое содружество двух поэтов,²⁵ можно предполагать, что А. М. Бакунин открыто делился впечатлениями от французских событий со своим родственником и другом В. В. Капнистом. Об их характере можно заключить из следующего отрывка поэмы А. М. Бакунина «Осуга», создававшейся в 1810-е годы и до сих пор полностью не опубликованной:

Разлука только что сгубит
 Любовь к родимой стороне;
 Кто родины своей не любит,
 Тот умер заживо по мне,
 В могилах сын зловещий стонет
 Козмополитства на разлад,
 И мертвый колокол трезвонит
 Философической набат.
 Набат! Какая-то вскружила
 Пустыя головы хандра,
 И чернь по-волчьему завyla
 Ослиным хором — Са ира.
 Я наяву все это видел
 В земле драчливых петухов
 И с той поры возненавидел
 Музыку тигров и ослов.²⁶

Эти стихи по своим художественным достоинствам не принадлежат к лучшему из созданного А. М. Бакуниным, однако именно они в полной мере дают ответ на интересующий нас вопрос. В более поздних редакциях поэмы второе четверостишие этого отрывка было переработано и содержит прямой выпад против просветительской идеологии:

Какой-то сын зловещий стонет
 Les droits de l'homme и наподхват
 С ним журналистика трезвонит
 Философической набат.²⁷

Интересно, что через много лет именно расхождения во взглядах на роль французской революции стали главной причиной спора А. М. Бакунина и В. Г. Белинского,

²⁴ ЦГАДА. Ф. 16. Д. 534. Ч. 1 (1). Л. 68.

²⁵ *Коплан Б. И.* Из литературных исканий конца XVIII—начала XIX в.: А. М. Бакунин и В. В. Капнист. Тверь, 1928.

²⁶ ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 11, 148.

²⁷ Там же. Л. 118; Ед. хр. 32. Л. 9.

друга его сына, гостившего в Прямухине в 1836 году.²⁸ В письме М. А. Бакунину от 12—24 октября 1838 года Белинский так вспоминал об этом разговоре: «Ты помнишь, какую фразу отпустил я за столом и как подействовала она на Александра Михайловича; но знаешь ли что? — я нисколько не раскаиваюсь в этой фразе и нисколько не смущаюсь воспоминанием о ней: ею выразил я совершенно добросовестно и со всею полнотою моей неистовой природы тогдашнее состояние моего духа. Да, я так думал тогда, потому что фихтеанизм понял как робеспьеризм и в новой теории чуял запах крови».²⁹

Конфликт «отцов и детей» нужно отнести к числу весьма острых в русской жизни 1830—1840-х годов. Романтически настроенная молодежь, увлеченная идеями Шеллинга, Гегеля, Фихте, неотвратимо вступала в противоречие со старшим поколением, чье мировоззрение формировалось до войны 1812 года. Как мы старались показать, политические взгляды В. В. Капниста и его ближайших друзей, принадлежавших именно к этой возрастной группе, нужно охарактеризовать как весьма умеренные, что отнюдь не исключает их восприимчивости к новым идеям, стремления облегчить положение крепостных, поиска ими путей решения крестьянского вопроса. Именно этими обстоятельствами, на наш взгляд, объясняется и дружба А. М. Бакунина с основателем «Союза спасения» А. Н. Муравьевым³⁰ и написание им в начале 1800-х годов антикрепостнического проекта «Условие помещика с крестьянином», начинавшегося следующими словами: «Нетрудно доказать из деяний русского народа, что рабство вкупе с невежеством внесено в Россию иноплеменными, возросло в бедствиях, укоренилось насилем и, следовательно, не есть зло России природное и полезное».³¹ Подтверждает наши соображения и проект конституционного устройства России, составленный в 1810-х годах Ф. П. Львовым.³²

Этими же причинами объясняется то, что из семьи В. В. Капниста вышли декабристы Н. И. Лорер и А. В. Капнист. Частыми гостями в 1810-е годы в Обуховке бывали братья Муравьевы-Апостолы, гостил здесь и П. И. Пестель.

Общеизвестно сочувствие В. В. Капниста закрепощенному крестьянству; оно отразилось в стихах поэта, засвидетельствовано мемуаристами.³³ Однако нет никаких оснований утверждать, что автор «Ябеды» считал возможным и необходимым революционное преобразование феодальной России; надеясь воздействовать на монархов, склонить их к гуманному решению крестьянского вопроса, поэт неоднократно подносил им свои произведения. Цели, которые преследовал при этом В. В. Капнист, не оставались для высочайших особ тайной, как о том свидетельствует позднейшая запись В. Н. Каразина на подносном экземпляре «Оды на истребление в России звания раба» В. В. Капниста, зафиксировавшая устное предание: «„На подданного“, т. е. тот самый экземпляр, который поднесен был императрице. Он остался между бумагами Д. П. Трошинского. Доказательство, что она не дала ему цены. „Вы-де хотите на деле. Зась! довольно и слова“. Им-то все и кончилось. Далее она не пошла: тем более что застигла старость и французская революция. В. К<аразин>».³⁴

В данной статье фактически не затронут вопрос о восприятии В. В. Капнистом и его ближайшими друзьями достижений общественной и политической мысли французского Просвещения, требующий специального детального рассмотрения. Тот же факт, что они

²⁸ Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина: Из истории русского романтизма. М., 1915. С. 274.

²⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 11. С. 319—320.

³⁰ См. его письма к А. М. Бакунину в кн.: Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 163—195.

³¹ ГПБ. Ф. 542. Ед. хр. 806. Л. 2.

³² Там же. Ф. 608. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 15, об.—28.

³³ Капнист-Скалон С. В. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. С. 311.

³⁴ ГБЛ. Ф. 32. Карт. 16. Ед. хр. 58. Л. 1.

враждебно отнеслись к конкретному претворению этих идей, можно объяснить, лишь учитывая уровень экономического развития двух стран, разную расстановку политических сил, как на то справедливо указывал еще А. Сорель: «В России отсутствовали все три наиболее существенные элементы французской революции: привилегированное и бессильное дворянство, честолюбивая и влиятельная буржуазия, крестьяне-собственники».³⁵ Даже в тех случаях, когда отдельные лица обвинялись в сочувствии Великой французской революции и пропаганде ее идей (дело А. Н. Радищева, запрет «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжнина, преследования Н. И. Новикова, донос П. И. Голенищева-Кутузова на Н. М. Карамзина и т. д.), это делалось в большинстве случаев необоснованно. В целях политической дискредитации им инкриминировалось наиболее стандартное и потому наименее отвечающее действительности преступление, чем в значительной мере осложняется работа историка. Поэтому столь важна, на наш взгляд, осторожность при построении гипотез, связанных с поиском в России новых лиц, сочувствовавших Великой французской революции.

³⁵ Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1892. Т. 1. С. 404.